

> ЭХО ВОЙНЫ Возвращение из неволи

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ проект поиска имен и могил наших земляков в Германии возник случайно.

На одной из международных научных конференций профессор из Магнитогорска, доктор исторических наук Мария Потемкина познакомилась с Клаусом-Дитером Мюллером и, конечно, спросила, есть ли в «Саксонских мемориалах» какие-либо сведения о воинах-магнитогорцах, погибших в фашистском плену. Так возникло тесное сотрудничество ученых Южного Урала и Германии в благородном деле возвращения памяти наших земляков, погибших в фашистской неволе. Родные теперь смогут доподлинно узнать, где и при каких обстоятельствах погиб их родственник, где покоятся его бренные косточки, какой могиле нужно поклониться и привезти горсть земли с Южного Урала.

Отметим, что деятельность руководителя фонда «Саксонские мемориалы» Клауса-Дитера Мюллера получила высокую оценку, недавно он награжден по указу Президента России Дмитрия Медведева орденом Дружбы.

Как обстоит дело с поиском имен наших погибших земляков сейчас? Вся территория области поделена на две зоны. Поиском родственников погибших в Германии, уроженцев южной части Челябинской области, занимается команда, возглавляемая профессором Марией Потемкиной с кафедры новой и новейшей истории МаГУ – 8 (3519) 30-74-64. Дополнительный телефон (музей УВД, Ольга Николаевна) – 8 (3519) 29-80-96. Электронная почта: cip-newhist@mail.ru. Северную часть области курирует в этом проекте государственный военно-исторический центр «Булат». Его бессменный руководитель – известный в России и нашем регионе поисковик Иван Абрахин. За десять лет, с момента присвоения центру «Булат» статуса государственного, бойцы-поисковики нашли 1111 солдат, многие из которых вновь обрели свое имя...

Сейчас в распоряжении этих двух центров солидная база данных, полученная из Германии. В списках 2073 солдата и офицера – уроженцы Челябинской области. Более пятидесяти из них вновь обрели свои уральские корни, о месте могилы и обстоятельствах смерти солдат сообщили их родственникам.

Не остался в стороне от этой масштабной работы областной совет ветеранов. Его руководитель генерал-лейтенант Анатолий Сурков рассказывает:

– Мы обратились к газете «Южноуральская панорама» с просьбой опубликовать все имена наших земляков, с тем чтобы ускорить процесс поиска родных. Кроме того, начали работу по поиску родных через ветеранские организации на местах. Списки, полученные от фонда «Саксонские мемориалы», передали в городские и районные ветеранские организации. В этой работе ветеранов подгонять не надо, многие из них сами прошли огонь войны, трудились тылу. Планируем также выпустить дополнительный том Книги памяти. Будем решать вопрос об организации поездок родных с Южного Урала к могилам наших солдат-земляков в Германии.

Мы потеряли золотое поколение

> Бегство солдат с поля боя тогда называли планомерным отступлением

ВОЗВРАЩАЮСЬ я в мае 2004-го со встречи с ветеранами аглоцеха, включая телевизор. Корреспондент спрашивает у фронтовиков, всю ли правду мы знаем о войне и можно ли ее говорить?

Они: нет, мол, всю правду – пока нельзя. А когда же можно будет и кто потом ее скажет? Ведь не осталось командующих фронтами, легендарного маршала Жукова, да и рядовых участников войны раз, два и обчелся...

И я хочу успеть рассказать, что помню.

О начале войны я узнал в шесть вечера 22 июня. Мы сидели у своих землянок на полянке. Походит к нам с того берега оврага Климов: война мол, немцы напали. Мы ни о какой войне не подозревали, думаем: зачем, куда они сунулись? Мы еще мальчишки были, но будь постарше и повнимательнее, почувствовали бы приближение войны.

Во-первых, были истории, когда сердцем можно было почувствовать напряжение как бы в воздухе. Подростки поселка Шитовые вели батальи с карадырскими. Воевали за гору Карадырскую. А наши ребята из поселков Горный и Ново-Магнитный враждовали с коммунальскими. Они нас не пускали на восьмой участок, где была единственная вышка для прыжков в воду, а мы их подкарауливали на берегу Урала у Зеленостроя. Как-то сошли стенка на стенку на холме у Коммунального, а на нас выскочил конный верховой. Мы как кинулись бежать! А нет бы остановиться друг против друга – он между нами – и спросить: «А что нам делить?» Не до нас было. Будто что-то предсказывало войну.

Во-вторых, Осовиахим проводил учения. В арсенале были тележки с гашеной известью для дегазации, пулеметы с деревянными трещотками. В районе Зеленостроя стреляли холостыми, ставили дымовые шашки, устанавливали гранатометы с деревянными болванками.

В-третьих, в школах нам преподавали военное дело. Мы изучали мелкокалиберную винтовку, учились оказанию первой медицинской помощи.

В-четвертых, на стадионе «Строитель», в парке, где сейчас улица Чкалова, стояла парашютная вышка, здесь готовили кадры для десантных войск.

Прав был Виктор Суворов, утверждавший в книге «Ледокол»: страна готовилась к наступательной войне. И откуда ему, молодому, знать? Но я-то сам видел эту подготовку в нашем тыловом городе. В результате наши войска не готовы были обороняться, а тем более планомерно отступать. Да и кто бы позволил обучать отступлению? Просто откатывались, сдавая город за городом. Какое же это планомерное отступление, если 6-я, 12-я и 18-я армии Юго-Западного фронта на границе с Румынией 1 июля окружены в урочище Зеленая Брами южнее Киева? 18-я армия вырвалась из окружения, вместе с ней выходил Александр Покрышкин. Он еще

не был Героем Советского Союза. Приземлился он в расположении 12-й или 6-й армий – и не было бы у нас четвержды героя.

6-я и 12-я армии под руководством генералов Музыченко и Понеделина, объединенные в одну группу, 6 июля пошли на прорыв в юго-восточном направлении и вместе со штабом и командующим Понеделиным попали в плен. Был ранен и пленен корреспондент 6-й армии Евгений Долматовский. Побывал в Уманской Яме, чудом бежал. По просьбе Константина Симона написал книгу «Зеленая Брами» об этих трагических событиях.

Немцы писали, что в окружении в Уманской Яме находилось 103 тысячи наших военнопленных 6-й и 12-й армий. Пусть немцы даже в два раза преувеличили, но пятьдесят тысяч наших военнопленных там было, и только единицы сумели вырваться. 26 фашистских дивизий сковали эту группировку, но это отвлекло их силы и дало нам время для эвакуации ценных заводов в глубь страны. Эшелоны с оборонным оборудованием, броневым станом завода имени Лепсе уже шли из Мариуполя в Магнитогорск.

Для пополнения тающих войск по призывным повесткам из военкоматов мужчины шли на сборные пункты, оставляя семьи. Многие – чтобы уже никогда не вернуться. В

Магнитогорске сбор был на площади у гортеля. Оттуда на Товарную и – в эшелоны. Я помню двенадцать мужиков из родных и знакомых, кто уходил на фронт.

Василий Кретинин, получив повестку, сказал: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Отправился на фронт и братья Иван, Петр и Алексей Васильевичи Епанешниковы.

Павел Воронин и Порфирий Плотников спустились вдвоем по тропке через овраг, и кто-то из

них, кажется, Порфирий, меня, мало-го, поднял на руки: «Ну, прощай». Они уже чувствовали, что не вернуться. А у Порфирия два сына были и дочь, у Павла Воронина три сына, старший Ваня глухонемой.

У моей матери восемь детей: пять сыновей и три дочери. Трое ушли на фронт. Федор и Константин Ивановичи Колесниковы так и не вернулись. Выжил только Александр, да и то прошел через плен.

Знали бы вы, какое золотое мужское поколение мы потеряли в этой войне. Вспоминаю Константина Ивановича Колесникова. Ему было девятнадцать, к началу войны он служил в погранвойсках, так и сгинул без вести. А какой рассказчик был: до войны, помню, сядем вечером в кружок, зажжем фонари, и он до полуночи одну за другой перебирает истории – где только их брал? Его брат Федор Иванович

Колесников в двадцать два погиб подо Ржевом в сорок третьем.

Дождались с фронта Ивана Степановича Колесникова. В октябре под Вязьмой выходил из окружения: немцы оставили километровый коридор и с обеих сторон косили из пулеметов, а на выходе из горловины ему перебило обе ноги. Одну отняли, и доживал Иван Степанович бобылем в Светлогорске, Уральце – ставил сети, ловил на Урале рыбу.

Андрей Луконин, прошедший всю войну, рассказывал о военной неразберихе: «Бегут немцы, бегут наши, а я лег в борозду и ползу. Все пробежали, а я встал и пошел». Вернулся с фронта живым, а его мальчонка дома помер с голоду. Не знаю, как его здесь не убергли: ну, хлеба не было, но картошка-то была. Будь проклята эта война. Кому она только нужна.

В сентябре сорок первого я шел из школы мимо наших землянок к своей крайней. А из землянки моей бабки слышны причитания и плач: пришла похоронка на Михаила Лукьянчикова. И это еще не вся трагедия: ему уже ничего не нужно, а у двадцатисемилетней вдовы, моей тетки Дарьи Лукьянчиковой, четверо детей. Младшему Ване годик, остальные погодки, а впереди зима сорок второго, и у семьи ни коровенки, ни теленка. Возвращается она в родную деревеньку Браиловку, селится на окраине в маленьком домишке. Кому поможет кизяк делать, кому еще что по хозяйству за молоко и хлеб. И вырастила всех четверых. Трое так и живут в Браиловке, а младший Иван Лукьянчиков работал на ММК дозировщиком, агломератчиком аглофабрики № 3 в четвертой бригаде – кавалер орденов Трудовой Славы, проживает по улице Доменщиков, сына назвал в честь погибшего отца Михаилом. А тетка Дарья нашла-таки могилу мужа – братская, под Москвой. Нашла даже жителей села, где стояла часть – они его помнили, обрисовали. На рубеже, где он погиб, немцев остановили.

Тетке Дарье и односельчанам ее, не давшим ей пропасть с ребятами, миллионам других таких же – вот кому, перенесшим всю тяжесть войны в тылу и поднявшим детей, низкий поклон.

Потеряв в первые месяцы войны четырехмиллионную армию, Сталин мобилизовал еще семь миллионов, оголив все деревни – в них остались женщины да дети. Помню, по улице Суворова в третьем подъезде дома № 118 жила заведующая одного из комбинатских детсадов Зоя Федоровна Денисова. Ее девятностолетняя мать иногда просила: «Зоя, открой сундук, достань похоронки, я уже имена их забыла». А в сундуке одиннадцать похоронок: все сыновья на фронте погибли.

Мы теперь говорим о горькой победе, что, мол, за ценой не постоим. А мы спросили у тех, которые погибли: легко им было отдавать жизни за эту победу? Никто не хотел умирать, каждый надеялся вернуться в семью, но не всем удалось... ^(М)

ПЕТР ЕПАНЕШНИКОВ